

ОБЛАКА

Большой и шумный приволжский город. В самом центре стоит огромный, давно закрытый собор. Теперь там размещается областной архив. Огромное пространство храма поделено железными конструкциями на низенькие этажи. Между собой они связаны крутыми как на морских судах железными трапами. Когда кто-нибудь проходит по этажам, спускается или поднимается, раздаётся негромкий металлический гул, к которому все сотрудники давно привыкли и не замечают его. Но Вере кажется, что такой же шум, исходящий от ног конвоиров и заключённых, день и ночь наполняет тюрьму. В тюрьме, слава Богу, она не сидела.

Металлического звона не слышно только на первом этаже, покрытом ещё дореволюционной метлахской плиткой. Там находятся кабинеты начальства, бухгалтерия, отдел кадров, поэтому всегда оживлённо и многолюдно. В бывшем алтаре помещается туалет. Заместитель директора по науке Андрей Львович Лупанарский частый туда ходок. У него проблемы с почками, о которых он не любит говорить. Он подолгу сидит там, потом быстро оставляет кабинку, на ходу застёгивает коричневый халат и удовлетворённо произносит: «Задрали подол матушке России».

Рабочее место Веры на самом верху собора. Пол железный, а потолком комнаты служат своды. Сквозь жидкую масляную краску просвечивают остатки росписи. Если открыть круглое окно, крошечная комнатка сразу же наполняется шумом трамваев и автомобилей. Блестят и осыпаются огненными крошками молнии от трамвайных дуг. Непрерывно колеблются, даже в безветрии, ветви старых тополей. А в вышине — небо, по которому пробегают облака, то закрывая солнце, то снова открывая путь ярким лучам. От этого в комнате становится то светлее, то темнее, все также привыкли к подобным переменам и давно не замечают их.

Вера открывает форточку. Ветер врывается в душное помещение. Сразу же становится свежо. Девушка облакачивается на подоконник. С высоты птичьего полёта город выглядит совсем не так, как на уровне тротуара. Есть в нем что-то сказочное и волшебное.

Наконец, Вера отрывается от окна, вешает поношенную кофту на плечики, переобувается, надевает халат. Можно начинать работу.

В архиве естественно коллектив женский. Единственный мужчина — Миша, да и тот при каждом удобном случае подчёркивает, что здесь он человек временный — до поступления в оперную студию. Туда он безрезультатно пытается попасть уже несколько лет. Голос у него действительно неплохой, но с головой явный неполадок. Он любит пугать архивных старушек своим лирическим баритоном, особенно арией Роберто из «Иоланты» Чайковского. Когда архивные закулисы внезапно наполняются крикливым и грозным: «Кто может сравниться с Матильдой моей...»,

бабушки-хранительницы хватаются за грудь и спешат выпить сердечных капель. Они много раз пытались выжить молодого человека из архива, но безуспешно.

Директор от души смеётся, когда вызванный ради очередного нагоняя неудавшийся певец глупо кланяется и поёт: «Фигаро си, Фигаро ля...» А его непосредственная начальница перезревшая дама Ольга Павловна буквально тает от его исполнения с дурашливой улыбкой ариозо Ленского: «Я люблю Вас, Ольга...» Это партия тенора, баритон тут не подходит, но кто в архиве разбирается в таких тонкостях.

Вера берет ключи и идёт в хранилище. Проверяет, цела ли печать на дверях, зажигает свет и снимает увесистую коробку со стеллажа. По правде сказать, эти документы давно пора отправить в Москву, в военный архив, но то не было денег на почтовые расходы, то некому этим заняться, а более всего Вере не хочется расставаться с ними.

В коробке куча разрозненных приказов, именные списки, какие-то оперативные донесения, написанные от руки, и несколько фотографий. Это всё, что осталось от отряда, некогда наводившего страх на красных от Волги до Тихого океана. Его бойцы брали Самару, Сызрань, Симбирск, Казань и многие другие города и веси, и всегда в первых рядах вместе со своими солдатами шёл их отважный и весёлый командир.

Вот он на снимке — молодой подполковник, русоволосый, с растрёпанной бородой и волосами на прямой пробор. Он скорее напоминает мужика из рассказов Чехова, чем боевого офицера. Но маленький крестик на груди и сабля с георгиевским темляком и золотым крестиком на эфесе говорят о его доблести.

На другом фото он уже в золотых генеральских погонах, почему-то измятых, видимо, сделанных из подручного материала. И та же растрёпанная русая борода и волосы на прямой пробор. И ни с чем не сравнимая весёлая улыбка.

Война ожесточает людей. Гражданская война — в особенности. Но этот генерал до конца дней не озлобился, не очерствел сердцем, берёт не только своих бойцов, но и неприятельских, никогда не издевался над пленными, не убивал зря.

Сейчас таких людей не осталось. Все ходят мрачные, озлобленные, готовые расправиться даже с близким человеком, а если и улыбаются, то совершенно по-дурачки, как Миша. А сам отважный генерал нашёл упоение далеко от родины, в чужой земле.

Резкий звонок возвещает о начале обеденного перерыва. Вера снова переобувается, берет сумку-авоську и направляется к выходу.

У выхода на улицу большое зеркало. В разговорах сотрудников оно зовётся «слоном». У зеркала мается архивный алкоголик Лёша. Усики щёткой и чёлка, низко падающая на лоб, делают его похожим на карикатуру гитлеровского солдата времён войны. Все знают, что он ждёт другого архивного алкоголика Валеру. Тот подбегает, запыхавшийся, и начинает лихорадочно оправдываться. Лёша его резко обрывает:

— А я говорю тебе, что ты туп как пробка! Мы же договорились встретиться у слона.

— Яволь, майн герр фельдмаршал! — отвечает Валера. И они дружно отправляются в ближайший винный, известный среди местной пьяни под крайне неполициткорректным названием «мавролей».

Начальство несколько раз грозило выгнать их с работы за нетрезвость, но других сотрудников такой квалификации найти невозможно. К тому же они могут выполнить две и три дневные нормы (в архиве вся работа строго регламентирована), поэтому дальше угрозы дело не идёт.

Вере не до них. Она торопится в продовольственный магазин отовариться, чем Бог пошлёт. Вечером наиболее ценные продукты разберут, а очереди будут страшные.

Милиционер из вневедомственной охраны тщательно проверяет пропуск. В архиве работает менее сотни человек, считая дворников и уборщиц. За многие годы можно было бы запомнить все лица. Но тем не менее утром, вечером и в обеденный перерыв повторяется один и тот же спектакль.

Все хорошо понимают, что для защитников правопорядка это единственный способ показать свою значимость. Ни к какой другой работе эти стражи не способны, к учёбе тоже — даже среднюю школу окончили с трудом. А тут форма, табельный пистолет и ощущение собственного превосходства.

Особенно неприятны на этом посту особи женского пола. Помимо обычного хамства от них исходит запах какого-то совершенно омерзительного парфюма, но даже он не может перебить аромат давно немывтого тела. С гигиеной у них обстоит плохо. Миша однажды не выдержал, и когда какая-то бабёнка долго изучала его документ, сказал:

— Вы бы девушка лучше в душ сходили.

Был скандал. Впрочем, что взять с пьяного.

Сегодня Вере везёт. Она купила молоко, ряженку, сметану и сырки с изюмом, любимые ещё с детского сада и школы. А в соседнем отделе какое-то костистое мясное рагу, которое пойдёт на суп. В последнее время мясо стало такой редкостью, что его покупка воспринимается как праздник. Хлеб тоже куплен, а вместе с ним печенье и конфеты-подушечки. Запыхавшаяся, она возвращается на работу ещё до конца перерыва. Пока остальные сотрудники не пришли, тщательно пересчитывает деньги в кошельке. До зарплаты осталась неделя, если не задержат. Денег должно хватить, но в обрез, только на еду. О всяких обновках можно позабыть.

Тот же резкий звонок сообщает о конце обеда. Но внутри архива сотрудников никто не проверяет. Вера запирает дверь и ставит электрический чайник, что строжайше запрещено правилами пожарной безопасности. Начинается застолье, с неспешными разговорами и перемыванием косточек начальству.

В последнее время любимой темой для обсуждения стали газетные публикации. «Московские новости», «Огонёк», «Новый мир» бережно передаются из рук в руки и зачитываются до дыр. Но беседы по-прежнему ведутся с опаской, не дай Бог последует команда, откуда надо, и с гласностью будет покончено.

За окном внезапно темнеет. Порыв ветра сдувает со столов какие-то бумаги.

— Закрой окно, — шепчут испуганные старушки.

Но Вера словно не слышит. Она облокачивается на подоконник, свежий ветер приятно остужает разгорячённое лицо. По небу бегут серые, почти чёрные облака. Скоро придёт гроза с ливнем. Ветер и тучи лишь предвестники грядущей бури.

— Закрой окно, — снова и снова повторяют сослуживцы.

Вера с шумом захлопывает раму. В комнате становится темно и тихо. А на улице неистовствует стихия, летят сломанные ветки, листья, какой-то мусор, и, наконец, по стеклу начинают барабанить крупные капли дождя.

Разговор продолжается, но Вера теперь молчит и думает, будет ли на её жизни такая же буря, что снесёт всю окружающую надоевшую нечисть.

Шум в коридоре перекрывает раскаты грома. Это Лёша и Валера, уже подвыпившие, о чём-то ожесточённо спорят с Мишей. Кажется о спиртном. Видимо неудавшийся певец присоединился к ним третьим в обеденный перерыв, и теперь они обсуждают, стоит ли продолжить возлияние или отложить до будущего дня. Наконец, все приходят к общему согласию, и по этажу разносится застольная песнь из «Травиаты». «Libiamo ne'lieti calici...» — выводит Миша по-итальянски. Это тоже партия для теноров, но солиста это не беспокоит.

Стук в дверь. Пришёл Андрей Львович. Он пишет для областной газеты серию статей о создании Красной Армии, и Вера по его заказу подобрала нужные документы, литературу, фотографии и даже пару коротких роликов киноплёнки. Троицкий, Склянский, Зиновьев. Каменев, Бела Кун, Землячка и другие, им подобные, — вот, по

мнению Лупанарского, истинные герои гражданской войны, творцы побед. Их много, имя им легион. Областное партийное начальство пыталось прикрыть эти публикации, но в Москве стукнули кулаком по столу и местные власти трусливо утихли. Андрей Львович доволен. Он благодарит Веру и обещает при случае выписать премию.

Вера обязана заниматься этим по своей работе. Но чувствует омерзение, как будто сделала что-то нехорошее, предала молодого генерала.

Резкий звонок объявляет, что рабочий день наконец-то окончен. Как обычно, при выходе милиционеры тщательно проверяют пропуска, бесцеремонно роются в сумках выходящих. Миша и Валера поддерживают Лёшу, которого совсем развезло. Тот бессмысленно смотрит по сторонам и почему-то всё повторяет: «Нихт шиссен».

От прошедшего ливня не осталось и следа. Снова жарко греет солнце, на небе ни облака. И только лужи на асфальте напоминают о прошедшем ненастье.

Злая, с раскрасневшимися щеками, Вера втискивается в переполненный трамвай. Ехать недалеко, но движение оживлённое, трамваи без конца звонят и тормозят.

Наконец транспорт стал окончательно. Толпа молодых людей перекрыла улицу. Из разговоров пассажиров Вера узнает, что люди требуют возвращения верующим здания медресе, где теперь помещается детский сад.

Митингующих плотно окружает кольцо милиционеров с дубинками и в шлемах. Но ведут они себя мирно. Их спокойное поведение понятно: все ребята как на подбор крепкого спортивного сложения, а рядом на газоне лежит куча арматуры, привезённой видимо для каких-то строительных нужд.

Митинг возглавляет здоровый мужчина в зелёном халате и вышитой тубетейке. Халат не сходится на обширном животе, и в проёме виднеется дорогой серый костюм.

Пассажиры переполненного трамвая иронически комментируют происходящие. Разговоры почему-то сводятся к тому, что всё начальство ворьё, а в магазинах пропали даже самые необходимые вещи. Вера также узнаёт, что здоровый мужчина — бывший начальник местной милиции. Теперь он поменял амплуа и о своём партийном прошлом предпочитает не вспоминать. Но в памяти пассажиров его милицееское прошлое засело крепко. «Все менты — козлы», без конца повторяет кто-то.

Интеллигентный старичок, тоже в тубетейке и в золотых очках, с козлиной бородкой, пытается возразить:

— Надо радоваться, что человек, наконец, вернулся к вере отцов. Представьте, как он мучился в атеистические времена...

— Да, видно, что мучился. Рожу шире плеч отрастил.

— Теперь всё начальство к Богу поспешило, кто в церковь, кто в синагогу, а этот в мечеть подался...

Наконец, трамвай минует толпу, но через несколько остановок снова тормозит. Проехать не даёт другой митинг, теперь светский, в поддержку Ельцина. Вера сразу узнаёт выступающего. В её институте он преподавал научный коммунизм, и отличался тем, что был похотлив как павиан. Студентки откровенно смеялись над его приставаниями, настолько он был страшен, а тот потом отыгрывался на экзаменах, за что получил прозвище кровавый карлик. Роста он действительно много ниже среднего, и теперь на импровизированной трибуне стоит на каком-то ящике, чтобы быть вровень с остальными.

Вере он напоминает Троцкого из старой кинохроники, которую подбирала Андрею Львовичу: такие же жесты, манера говорить. Оратор призывает защитить завоевания демократии, а толпа дружно по-собачьи подвывает:

— Фашизм не пройдёт.

Тут мнение пассажиров разделилось. Кто-то выступает в поддержку молодого харизматичного лидера, кто-то кроет его последними словами. Кажется, что конфликт вот-вот перерастёт в драку и уставшие люди схлестнутся стенка на стенку.

Чем кончится спор, Вере не суждено узнать. Ей пора выходить. Маленький особняк на тенистой и тихой, круто спускающейся к Волге Интендантской улице был когда-то барской усадьбой. С тех времён сохранились две огромные каменные тумбы у подъезда. Теперь бывшее дворянское гнездо превратилось в плотно заселённую воронью слободку, совсем как в романе Ильфа и Петрова. Дом весь накренился, в нескольких местах стены подпёрты брёвнами. Но люди здесь живут, и настолько привыкли, что не видят в таком аварийном состоянии ничего необычного. Впрочем, вся улица застроена такими же ветхими домиками, зато она утопает в зелени и спокойная. А через заборы свешиваются ветви фруктовых деревьев. Сейчас как раз сезон вишен. Урожай в этом году необычайный. Хватает и на детей, и на хозяек, варящих варенье, и на случайных прохожих.

В квартире пусто. Соседи ещё не вернулись с работы или, пользуясь летней погодой, отдыхают во дворе. Вера идёт на кухню и ставит молоко прокипятиться. Сырки немного подкисли за день, Вера делает из них запеканку. Ужин готов.

Ванны в квартире нет. Пропотевшая за день, разгорячённая, Вера решает вымыться по пояс. Так поступают все обитательницы квартиры, некоторые при этом особо не стесняются даже соседей-мужчин. Она скидывает халат и внимательно рассматривает себя в большое настенное зеркало.

Когда-то Веру все считали красавицей. Худенькая и стройная, с исключительно правильными чертами лица, она и теперь нередко привлекает внимание мужчин. Но сейчас ей уже за тридцать и даже ближе к сорока. В углах глаз и губ появились морщинки. Кожа начинает желтеть. Пигментные пятна все явственнее проступают на лице, на шее, на животе. Маленькая грудь словно сжалась от холода. Как Вере хочется накормить своего ребёнка материнским молоком. Но детей у неё нет. И вообще, она до сих пор не была близка с мужчиной. В юности, во время учёбы в институте, она всё ждала своего единственного, но так и не дождалась. А заставить себя отдаться первому встречному, просто для того, чтобы быть как все, она не в состоянии.

Вера быстро моется холодной водой — горячей в доме тоже нет — и растирается полотенцем. Хлопает входная дверь. Вера накидывает халат. Но это пришла её мама.

Они ужинают в своей комнате, у раскрытого окна, потом пьют чай. Стол застелён скатертью, сервирован по всем правилам, хотя из блюд только запеканка, да печенье с конфетами-подушечками. Это дань привычке, школа многих культурных поколений. Соседи над ними посмеиваются, но одновременно и уважают, как людей, стоящих неизмеримо выше по своему умственному развитию.

Мама рассказывает новости, о ценах в магазине и на рынке. Ей сегодня повезло, в магазине давали сливочное масло, по двести грамм в руки, но продавщица сжалась, глядя на старушку, и отвесила ей полкило. Соседи уверяют, что их дом скоро снесут, а им всем выделяют новое жильё. Отдельная квартира с горячей водой и ванной, без очередей в места общего пользования, это хорошо, думает Вера. Но жильё дают на самой окраине, на другом берегу Волги. Ехать более часа, с пересадками. Вся зарплата уйдёт на билеты. Там нет ни магазинов, ни поликлиники, которая очень нужна маме. Впрочем, эти разговоры вилами на воде писаны. Слухи о новом жильё ходят многие годы, то затихая, то приобретая конкретные черты.

Вера понимает, как она устала. Она даже не включает телевизор, чтобы посмотреть новости, и сразу же ложится спать. Завтра надо рано вставать. Солнце зашло, но из окна по-прежнему веет жаром. Город остывает медленно и тяжело.

За шкафом мама тихо молится. Вера лёжа повторяет вслед за ней знакомые с детства слова. А потом всё стихает, и только под окнами никак не может угмониться какая-то нетрезвая компания.

Завтра предстоит такой же день. Однообразная работа за копейки. Окружающее невежество, бесконечные обиды, одиночество. А власть останется в руках тех же людей: наглых, напористых, как их не назови, коммунистами или борцами за демократию. Хочется, чтобы этот мир сгинул раз и навсегда. Но такого никогда не будет. От собственного бессилия Вера тихо, чтобы не разбудить маму, плачет.

Усталость берёт своё. Жара спадает, и Вера забывается крепким сном. Наверное, под утро, когда наконец-то повеяло ночной прохладой, к девушке приходит видение, настолько яркое, что его невозможно отличить от реальности. И душа на время переносится в другой мир, почти такой же, как наш, и все-таки не такой.

Тихая и тенистая Интендантская улица. Небо затянуто серыми облаками, и поэтому нельзя понять, что сейчас утро, день или вечер. Начало улицы перекрыто толпой милиции, все в шлемах, с дубинками и автоматами. А внизу от берега Волги поднимается редкая цепь бойцов. Они приплыли на каких-то утлых судёнышках, неизвестно откуда. Бойцы прижимаются к стенам домов, перебежками скрываются за стволами деревьев, за каменными тумбами. Одеты они разномастно, в основном, в зелёные выцветшие рубахи навыпуск, в мятые фуражки с трёхцветными кокардами. В руках длинные, похожие на удочки, винтовки. Катят пулемёты. Изредка звучат выстрелы. Винтовочные пули легко пробивают и пластиковые щиты, и бронжилеты. Впрочем, стреляют больше по ногам, видимо, не хотят лишних жертв. Раненые милиционеры со стоном отползают в сторону, чтобы свои же не затоптали.

Милиция открывает частый и беспорядочный огонь очередями. Однако толку от него никакого. Пули рикошетят о стены домов или, со звоном разбивая стёкла, залетают в окна. Наконец стражи порядка не выдерживают и, бросая раненых, пластиковые щиты, дубинки и даже автоматы, убегают.

Бойцы с трёхцветными кокардами продолжают свой путь. Время от времени от них отделяются группы в несколько человек, заглядывают во дворы, в подъезды домов, но не задерживаются и быстро выходят со словами: «Чисто».

«Кто это?» — с удивлением думает Вера. Она стоит у окна, спрятавшись за кустом фикуса, как будто он может спасти от пуль. И тут она видит свою любовь — молодого генерала, который набрал полную фуражку вишен, улыбается, отдаёт какие-то приказания и одновременно сплёвывает косточки. Вера слышит:

— Первой роте занять вокзал. Вторую в центр — обком, совет, почта, телеграф, телефон.

Третью роту он тоже отправляет куда-то...

Поравнявшись с окном, генерал замечает девушку: улыбается, галантно кланяется, машет рукой. Вера вспоминает, что она в одной ночной рубашке, краснеет и прячется в глубине комнаты. Она быстро накидывает лёгкое летнее платье и выбегает на улицу.

Бойцы уже прошли. На улице никого нет. Не слышно ни звуков выстрелов, ни шума шагов. Непонятно, проснулась ли Вера, или это продолжение сна. И вообще, где она, в повседневном мире или сон перенёс её в какое-то другое сказочное измерение. Только отметины на стенах от пуль напоминают о происшедшем. И небо, затянутое серыми облаками, такое же, как прежде, и в этом и в другом мире.

